

Два финно-угорских этнонима в древнерусских текстах XIII-XV веков

А. А. Бурькин

Институт лингвистических исследований РАН,

Санкт-Петербург, Россия

albury@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Введение: статья посвящена средневековым наименованиям финно-угорских народов, живших к северу, северо-востоку и востоку от северных русских княжеств в XIII-XV веках.

Цель: дать объяснение непонятному этнониму тоймици, тоймичи, который отмечен один раз в произведении XIII века и проследить изменения этнонима *вяда* ~ *вада* в этом же тексте и в более позднем сочинении XV века – «Задонщине».

Материалы: памятник древнерусской литературы начала XIII века «Слово о погибели Русской земли», сохранившийся в двух рукописях, и произведение XIV-XV веков, в котором присутствует описание территорий и народов вокруг русских княжеств и в том числе территории к северо-востоку от Руси, и одна рукопись «Задонщины» XV века, составляющая ее особую версию, в которую редактор сделал вставку из «Слова о погибели русской земли». В этих же текстах встречается название Дышащее море, что есть одно из первых упоминаний Северного ледовитого океана в древних русских текстах.

Результаты и научная новизна: тоймичи – это по морфологической структуре наименование жителей бассейна реки с названием Тойма. Мы знаем не менее четырех таких названий в ареале к северу от бассейна реки Камы, из них два являются названиями притоков Северной Двины. Языковая принадлежность и объяснение гидронима Тойма нам не известны. Обратившись к исследованиям по топонимии и микротопонимии русского Севера, автор высказывает предположение, что гидронимы (названия рек) Тойма являются прибалтийско-финскими по происхождению, так как имеют наиболее надежные параллели в современных прибалтийско-финских языках, и появление их отражает древнее движение этих народов на восток.

Этноним *вяда* (предположительно название удмуртов) в списке «Задонщины» заменен формой *воды*, т.е. он уже вследствие непонимания смешивается со словом *вода*.

Сравнение «Слова о погибели» и Списка «Задонщины», куда был вставлен фрагмент «Слова о погибели» показывает, как древнерусские литераторы постепенно утрачивали понимание географических и этнических реалий старейшего текста в цитатах из него в составе позднейших сочинений.

Ключевые слова: финно-угорские языки, прибалтийско-финские языки, топонимия, этнонимия, древнерусская литература, рукописи, версии.

Для цитирования: Бурькин А.А. Два финно-угорских этнонима в древнерусских текстах XIII-XV веков // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 1. С. 22–27.

Two Finno-Ugric ethnonyms in ancient Russian texts of XIII–XV centuries

A.A. Burykin

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,

Saint-Petersburg, Russian Federation,

albury@mail.ru

ABSTRACT

Introduction: article is devoted to medieval names of the Finno-Ugric people living towards the north, the northeast and the east from the Northern Russian princedoms in XIII–XV centuries.

Objective: to offer an explanation of not unclear ethnonym *toymitsi*, *toymichi* which was noted once in the text of XIII century and to track changes of the ethnonym *vyada* ~ *vada* in the same text and in later composition of XV century – “Zadonshchina”.

Research materials: the monument of the ancient Russian literature of the beginning of XIII century «The Tale of Doom of Russian land», kept in two manuscripts; the work of XIV–XV centuries, which contain a description of territories and people around the Russian princedoms, including territories to the Northeast from Russia; one manuscript of “Zadonshchina” of XV which is its special version in which the editor has made an

insert from «The Tale of Doom of Russian land». There is a name *the Breathing sea* in the same texts, and this is one of the first mentions of Arctic ocean in ancient Russian texts.

Results and novelty of the research: Toymichi on morphological structure is the name of inhabitants of a river basin with the name Toyma. We know not less than four such names in an area towards the north from the river basin of Kama, two of them are names of inflows of Northern Dvina. Belonging of the ethnonym Toyma to any languages and explanation of this hydronym are unknown. Having addressed to research on toponymy and microtoponymy of the Russian North, the author made the assumption that these hydronyms (names of the rivers) of Toyma are Baltic-Finnish by origin as they have the most reliable parallels in modern Baltic-Finnish languages, and their identification reflects ancient migration of these peoples towards the east.

The ethnonym *vyada* (presumably it is the name of the Udmurts) in the list of “Zadonshchina” is replaced by the form of the word ‘water’, i.e. it already owing to misunderstanding was mixed up with a word ‘water’.

Comparison of «The Tale of Doom of Russian land» and the List of “Zadonshchina” with inserted fragment from «The Tale of Doom of Russian land» shows how ancient Russian writers gradually lost understanding of geographical and ethnic realities of the oldest text in its citations in structure of the subsequent compositions.

Key words: Finno-Ugric languages, Baltic-Finnish languages, toponymy, ethnonymy, ancient Russian literature, manuscripts, versions.

For citation: Burykin A.A. Two Finno-Ugric ethnonyms in ancient Russian texts of XIII–XV centuries // Vestnik Ugrovedenia= Bulletin of Ugric Studies. 2018; 8(1): 22–27.

Введение

Два финно-угорских этнонима в древнерусских текстах XIII–XV веков.

Древнерусские тексты, летописи и некоторые памятники светской художественной литературы содержат географические описания отдельных территорий, входящих в состав русских княжеств, а также названия различных балтийских, финно-угорских, тюркских, иранских, кавказских народов, живших в соседстве с восточнославянскими народами и их государствами. Изучение этого языкового материала, извлекаемого из письменных источников, встречается с несколькими серьезными проблемами, часто имеющими междисциплинарный характер. Первая проблема – это определение языковой принадлежности этнонимов и сопровождающих их топонимов и локализация этнонимов и топонимов на местности, то есть привязка названий народов и мест к топонимам, найденным на современных географических картах и соотнесение ареалов расселения отдельных народов с территориями, занимаемыми какими-либо современными этносами, что входит в задачи исторической этнографии. Вторая проблема – это проблема источников конкретных текстов и взаимной зависимости текстов, содержащих идентичную или сходную историко-географическую и этнографическую информацию.

Материалы и методы.

Материалом исследования послужили памятники древнерусской литературы начала XIII века «Слово о погибели Русской земли» и одна рукопись «Задонщины» XV века.

При анализе использован сравнительный и структурный методы.

Результаты

1. Тоймици ~ тоймичи

Этноним *тоймичи* в форме *тоймици*, отражающий проявление севернорусского цоканья (неразличения аффрикат *ц* и *ч*) встречается только в одном древнерусском тексте «Слово о погибели Русской земли», традиционно датируемое первой половиной XIII века. Ввиду того, что этот текст весьма краток сам по себе и содержит весьма важный для его понимания географический контекст с топонимами и этнонимами в определенном порядке, воспроизведем этот текст полностью:

О, свѣтло свѣтлая и украсно украшена, земля Руская! И многими красотами удивлена еси: озера многими удивлена еси, рѣками и кладязьми мѣсточестными, горами, крутыми холми, высокими дубравами, чистыми польми, дивными звѣрьми, *различными* птицами, бесчисленными города великими, селы дивными, винограды обителными, дома церковными и князьми грозными, бояры честными, вельможами многими. Всего еси исполнена земля Руская, о прававѣрная вѣра хрестиянская!

Отселѣ до угорѣ и до ляховѣ, до чаховѣ, от чахов до ятвязи и от ятвязи до литвы, до немецѣ, от нѣмецѣ до корѣлы, от корѣлы до Устьяга, гдѣ тамо бяху *тоймици погании*, и за *Дышючимъ моремъ*; от моря до болгарѣ, от болгарѣ до буртасѣ, от буртасѣ до чермисѣ, от чермисѣ до морѣдвѣ, – то все покорено было Богомъ крестиянскому языку, поганьскыя страны,

великому князю Всеволоду, отцу его Юрью, князю кыевскому, дѣду его Володимеру и *Ма-намаху*, которымъ то половоци дѣти своя *полошаху* в колыбѣли. А литва из болота на свѣтъ не выникываху, а угры твердыху каменные города желѣзными вороты, абы на них великий Володимеръ тамо не въѣхалъ, а нѣмци радовахуся, далече будуче за Синимъ моремъ. Бургаси, черемиси, вѣда и морѣдва бортьничаху на князя великого Володимера. И жюръ Мануиль цесарегородский опасъ имѣя, поне и великия дары посылаша к нему, абы под нимъ великий князь Володимеръ Цесарягорода не взял. А в ты дни болѣзнь крестияном от великаго Ярослава и до Володимера, и до ныняшняго Ярослава, и до брата его Юрья, князя володимерьскаго... [11, 90].

Примечания к тексту довольно адекватно описывают этнонимы и географические объекты, в изобилии встречающиеся в этом весьма кратком памятнике:

«...до Устьяга...» – Город Великий Устюг в низовьях Сухоны, притока Северной Двины. *...тоймици погании...* – языческое племя, жившее по берегам Верхней и Нижней Тоймы – притоков Северной Двины... *Дышючимъ моремъ...* – Дышащее море – Белое море и Северный Ледовитый океан (названы дышащими из-за больших приливов и отливов) *...до болгаръ...* – Имеются в виду волжские болгары, обитавшие в районе впадения Камы в Волгу. *...до буртасы...* – Бургасы – мордовское племя. *...до чермисъ...* – Черемисы – марийцы. <...> *...вѣда...* – одно из мордовских племен» [11, 466].

Спорным выглядит тут идентификация и локализация гидронима Тойма, от которого образовано название народа или некоей территориальной группы – *тоймичи*, хотя оно основано на привязке этого названия к ойкониму Устюг. Эти комментарии не учитывают того, что гидроним Тойма повторяется в интересующем нас регионе – это название притока Камы, впадающего в нее около Елабуги в 53 км от устья Камы, название Тойма имеет приток реки Кулой, впадающей в Мезенскую губу Белого моря, и название двух рек в бассейне Северной Двины – верхняя Тойма и Нижняя Тойма. Обитатели какой реки с названием Тойма упоминаются в памятнике – вопрос неоднозначный. Судя по соседствующим этнонимам *болгары*, *буртасы*, *чермисы*, возможно, что тоймичи «Слова о погибели...» – это жители бассейна Камы.

По внутренней форме название *тоймици* – *тоймичи* выглядит как название народа или ка-

кой-то территориальной группы, образованное от топонима (гидронима) Тойма. Однако такая прозрачность ничего не говорит об этнической принадлежности названия народа или сообщества.

Языковая принадлежность и этимология гидронима Тойма в приложении к интересующим нас объектам не имеют объяснения.

А.К. Матвеев писал: «В целом складывается впечатление, что прибалтийские финны достаточно плотно заселили только крайний запад региона до линии Белое озеро – Кенозеро – устье Онеги. В других районах Севера они занимали отдельные участки местности, при этом картографирование выявляет ряд территорий, на которых прибалтийско-финские названия вообще не фиксируются или крайне редки: бассейн Мезени, Пинега от места впадения Суры до устья, Северная Двина от Верхней Тоймы до Холмогор, Емца, среднее и нижнее течение Устья, Кубенское озеро с Кубеной, Сухона и Юг. Редок прибалтийско-финский элемент и в бассейне Онеги (кроме низовий). Можно, таким образом, допустить, что на большей части Севера прибалтийско-финская топонимия представляла собою поверхностное наслоение» [8, 82]; «Прежде всего бросается в глаза, что все саамские основы зафиксированы в той части региона, которая находится севернее линии Водлозеро – устье Моши – устье Паденьги – Нижняя Тойма – верховья Пинеги. Распределены они довольно равномерно, почти не образуя сколько-нибудь значительных лагун, охватывая при этом и крайний северо-восток с бассейном Кулоя и низовьями Мезени, а также бассейн Емцы и низовья Ваги» [8, 83; 9, 305–306]. Эти цитаты показывают, что в представлении А.К. Матвеева гидронимы Верхняя Тойма и Нижняя Тойма находятся на границах саамского и прибалтийско-финского гидронимических ареалов. Но к какому из двух ареалов они принадлежат?

Вероятно, в основе интересующих нас гидронимов лежат слова, связанные с финск. *toinen*, карел. *toine*, люд., вепс. *toine* ‘второй, другой’, представленные в названиях Тойнокур, Тойнокурец, Тойнокурья [5, 213]. И.И. Муллонен отмечает вепсский гидроним *Toizeg* – ‘Другая Река’ [10, 112], и, что существенно, указывает, что этот же топоним функционирует у вепсов в русской форме *Другая Река* как название поселения [10, 80, 111]. Подобные названия, не связанные с географическими апеллятивами-наименованиями ландшафтных объектов, служат указанием на смену

этнуса и представляют собой проявления языка более поздних пришельцев – которыми в нашем случае, как показывает материал, являются носители прибалтийско-финских языков.

Альтернативные этимологии, которые связывали бы гидроним Тойма с саамскими географическими апеллятивами *tull'v* 'поток' (финск. *tulva*), или *tuemmi* 'черёмуха' (финск. *tuomi*) (см. список саамских апеллятивов в [6, 171]), понятно, возможны для гидронимов Тойма, но пока они для нас не представляются убедительными.

А. А. Горский, один из современных исследователей «Слова о погибели Русской земли»: пишет:

«Под «тоймичами» имеется в виду финноязычное население в районе правых притоков Сев. Двины – р. Верхняя и Нижняя Тойма, к северу от Устюга. Таким образом, «тоймичи» названы на «своем» месте, как раз между Устюгом и Дышащим морем. Из текста КБ (Кирилло-Белозерского списка «Задонщины» – А.Б.) следует, что Устюг принадлежит татарам (что не соответствует действительности). Трудно предполагать, чтоб автор «Слова о погибели» мог на основе нескольких географических и этнических названий КБ составить свой пространственный и последовательный список, а главное, невозможной представляется трансформация неясного и фактически неверного «Устюга поганых татар» в отдельное (географически точное) упоминание Устюга и малоизвестных «тоймичей». Напротив, замена тоймичей на татар при заимствовании из «Слова о погибели» в КБ легко объяснима: «тоймичи поганые», очевидно, остались непонятными писцу КБ или его протографа; определение «поганые» в его эпоху прилагалось в первую очередь к татарам, и этот привычный этноним заменил тоймичей. Таким образом, сомневаться в первичности «Слова о погибели Руския земли» и отношении к списку КБ «Задонщины» нет оснований, а это означает, что «Слово о погибели» по меньшей мере старше 70-гг. XV столетия» [2, 313]. Показательно, что тоймичи вообще были непонятны или неизвестны тому, кто составлял Краткую редакцию «Задонщины» – книгописцу Ефросину, хотя он жил в Кирилло-Белозерском монастыре и мог знать историю и географию Северного края.

У нас, однако, есть основания, даже следуя логике А.А. Горского, направленной на установление позднейших датировок «Слова о по-

гибели...» говорить о том, что «Слово о погибели...» было создано не позднее 1379-1384 годов – на эти годы приходится деятельность Стефана Пермского по обращению народов Северо-Восточной Руси в христианство [7, 220]. Едва ли после этих дат «тоймичи», кем бы они ни были, могли бы быть названы «погаными».

Перечень стран и народов, читающийся в «Слове о погибели», по мнению А.А. Горского, указывает не то, что местом написания памятника была южная Русь [3, 32-33]. Этот фрагмент памятника весьма интересен – это своеобразная космография, характеризующая соседей Руси. Данное описание имеет четко прослеживающуюся научную основу – народы и земли перечисляются последовательно по часовой стрелке: с юго-востока на северо-запад, север, северо-восток и юго-восток. Это описание исключительно последовательно в «Слове о погибели...», но фрагментировано в списке КБ «Задонщины»: «Тогда поля костьми насъяны, кровьми полиано. Воды возпиша, вѣсть подаваша по рожнымъ землямъ, за Волгу, к Желѣзнымъ вратомъ, к Риму, до Черемисы, до Чяховъ, до Ляховъ, до Устюга поганыхъ татаръ, за дышущем моремъ» [12, 549–550]. О связи этого фрагмента «Слова о погибели...» с краткой редакцией «Задонщины» писали А.А. Горский [2, 313] и Л.В. Соколова [13, 179]. Резюмируя мнения исследователей, можно сказать, что присутствие фрагмента «Слова о погибели» в Краткой редакции (Кирилло-Белозерском списке) «Задонщины» свидетельствует о заимствовании фрагмента «Слова о погибели» в Краткую редакцию Задонщины с некоторым искажением (татары не имеют отношения к Устюгу). Вместе с тем мы должны отметить полноту представления названий народов – северных и восточных соседей Руси и точность и последовательность указаний мест проживания их в отношении сторон света.

Среди топонимов «Слова о погибели...» привлекает внимание наименование «Дышащее море», правильно понимаемое комментаторами, но оставляющее вопросы в датировке его появления в древнерусских памятниках. В исследованиях по истории русских географических открытий (например, [7]), дата появления этого названия Северного Ледовитого океана не отмечается. Возможно, это наименование является старейшим именно в «Слове о погибели...». Еще одна фиксация именованья «Дышащее море» это «Послание архиепископа

новгородского Василия ко владыце тферскому Феодору о рае». «Послание» новгородского архиепископа Василия Калики (1331–1352) к тверскому епископу Федору Доброму о земном рае присутствует в Софийской первой и Воскресенской летописях под 1347 г. [4, 199–200]. Установление даты появления этого названия Северного Ледовитого океана обещает весьма интересные результаты в области исторической географии и истории русских открытий в Арктике.

2. Вьяда – вода

Этноним *вьяда* в «Слове о погибели» связывается с названием одного из мордовских племен, то есть относится к названиям финно-волжских, а не финно-пермских народов. Учитывая связь рассматриваемых текстов с определенным регионом (бассейн Камы), можно задуматься о связи этого этнонима с известным ранним названием удмуртов – *вотяки*, а также *отяки*, *воть* – восходящими к тому же корню уд-, что и самоназвание удмурт, при посредстве марийского языка, ср. *одо* «удмурт») [1].

Основной предмет нашего внимания здесь – не идентификация носителей этнонима, а то, как этнонимы могут преобразоваться в документальном источнике. Приведем еще раз фрагмент Кирилло-Белозерского списка «Задонщины»: «**Воды** возпиша, вѣсть подаваша по рожнымъ землямъ, за Волгу, к Желѣзнымъ вратомъ, к Риму, до Черемисы, до Чяховъ, до Ляховъ...».

Здесь название народа не было понято переписчиком, который заменил его понятным именем нарицательным *воды*. Понятность и иллюзорная образность контекста оставила текст

без внимания комментаторов, но на самом деле процесс постепенного ослабления понимания раннего, возможно, относящегося к XII-началу XIII вв. географического сочинения и его материалов, возможно, отразившегося в «Слове о погибели...», продолжилось.

Обсуждение и заключение

Этноним *тоймичи*, по итогам предпринятого исследования, образован на собственно русской почве от гидронима Тойма. Сам этот гидроним, встретившийся в интересующем нас ареале от бассейна Северной Двины до бассейна Камы, по результатам наших разысканий имеет прибалтийско-финское происхождение и его появление связано с одной из волн миграций прибалтийско-финских народов к востоку от ныне занимаемых ими территорий.

Этноним *вьяда*, по-видимому, название удмуртов – народа финно-пермской группы, в русских письменных источниках оказывается неустойчивым, и, похоже, что он был непонятен некоторым книжникам, даже живущим поблизости от упоминаемых ими регионов. По контексту памятника, несмотря на то, что рассматриваемый пассаж присутствует только в Кирилло-Белозерском списке, ясно, что вместо вопиющих вод в реках и озерах речь идет о каком-то народе, подающем весть о поражении татар осенью 1380 г. – поражении одного из народов, соседствующих с финно-волжскими и финно-пермскими народами. Таким народом вполне могли быть удмурты, имеющие давние исторические связи с татарами.

Список источников и литературы

1. Белых С.К., Напольских В.В. Этноним удмурт: исчерпаны ли альтернативы? // *Linguistica Uralica*. Tallinn, 1994. Т. XXX. № 4. С. 284–285.
2. Горский А.А. К вопросу о датировке «Слова о погибели Руския земли» // *Труды отдела древнерусской литературы*. Т. 51. СПб.: Наука, 1999. С. 313–320.
3. Горский А.А. Проблемы изучения «Слова о погибели Руския земли»: К 750-летию со времени написания // *Труды Отдела древнерусской литературы*. 1990. Т. 43. С. 18–38.
4. История русской литературы X–XVII вв. / под ред. Д.С. Лихачева. М.: Просвещение, 1979. 462 с.
5. Кабинина Н.В. Субстратная топонимия Архангельского поморья. Екатеринбург: Изд. УрГУ. 2011. 342 с.
6. Керт Г. М. Саамская топонимная лексика. Петрозаводск, Карельский научный центр, 2009. 178 с.
7. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. Т.1. М.: Просвещение, 1982. 287 с.
8. Матвеев А.К. Древнее население Севера Европейской России. Опыт лингвоэтнической карты // *Известия УрГУ*. 1999. №13. С. 80–88.
9. Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. 1. Екатеринбург: Изд. УрГУ, 2001. 345 с.
10. Муллонен И.И. Очерки вепской топонимии. СПб.: Наука, 1994. 157 с.
11. Слово о погибели русской земли // *Библиотека литературы Древней Руси*, Т. 5. XIII век. СПб.: Наука, 1997. С. 90–91.

12. «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л.: Наука, 1965. 621 с.
13. Соколова Л.В. Куда «шибла слава» о Куликовской битве?: (К вопросу о «списке городов» в Пространной и Краткой редакциях «Задонщины») // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2014. С. 173–191.

References

1. Belykh S.K., Napol'skikh V.V. *Ehtnonim udmurt: ischerpany li al'ternativy?* [Ethnonym the Udmurt: are the alternatives exhausted settled?]. *Linguistica Uralica* [Linguistica Uralica], 1994, Vol. XXX, no. 4, pp. 284–285. (In Russian)
2. Gorskiy A.A. *K voprosu o datirovke «Slova o pogibeli Ruskyja zemli»* [To the question on dating of «The Tale of Doom of Russian land»]. *Trudy otdela drevnerusskoj literatury* [Works of the Department of ancient Russian literature]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 1999. Vol. 51. pp. 313–320. (In Russian)
3. Gorskiy A.A. *Problemy izuchenija «Slova o pogibeli Ruskyja zemli»: K 750-letiju so vremeni napisanija* [Problems of study of «The Tale of Doom of Russian land»: To the 750 anniversary since writing]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Works of the Department of ancient Russian literature]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 1990. Vol. 43. pp. 18–38. (In Russian)
4. *Istorija russkoj literatury X–XVII vv.* [History of Russian literature of X–XVII centuries]. Ed. by D.S. Likhachyov. Moscow: Prosveshhenie Publ., 1979. 462 p. (In Russian)
5. Kabinina N.V. *Substratnaja toponimija Arkhangel'skogo pomor'ja* [The substrate toponymy of the Arkhangelsk coastal region]. Ekaterinburg: Izd. UrGU Publ., 2011. 342 p. (In Russian)
6. Kert G.M. *Saamskaja toponimnaja leksika* [Saami toponymic lexicon]. Petrozavodsk: Karel'skij nauchnyj centr Publ., 2009. 178 p. (In Russian)
7. Magidovich I.P., Magidovich V.I. *Očerki po istorii geograficheskikh otkrytij* [Essays on history of geographical discoveries]. Moscow: Prosveshhenie Publ., 1982. Vol. 1. 287 p. (In Russian)
8. Matveev A.K. *Drevnee naselenie Severa Evropejskoj Rossii. Opyt lingvoehtnicheskoy karty* [Ancient population of the North of the European Russia. Experience of linguo-ethnic map]. *Izvestija UrGU* [News of Ural State University], 1999, no. 13, pp. 80–88. (In Russian)
9. Matveev A.K. *Substratnaja toponimija Russkogo Severa* [The substrate toponymy of Russian North]. Ekaterinburg: Izd. UrGU Publ., 2001. Vol. 1. 345 p. (In Russian)
10. Mullonen I.I. *Očerki vepsskoj toponimii* [Essays on the Vepsian toponymy]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 1994. 157 p. (In Russian)
11. *Slovo o pogibeli russkoj zemli* [The Tale of Doom of Russian land]. Biblioteka literatury Drevnej Rusi, T. 5. XIII vek [Library of the literature of Ancient Russia, Vol. 5. XIII century]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 1997. pp. 90–91. (In Russian)
12. *«Slovo o polku Igoreve» i pamjatniki Kulikovskogo cikla* [«The Tale of Igor's Campaign» and monuments of the cycle of the Battle at Kulikov Field]. Moscow; Leningrad; Nauka Publ., 1965. 621 p. (In Russian)
13. Sokolova L.V. *Kuda «shibla slava» o Kulikovskoj bitve?: (K voprosu o «spiske gorodov» v Prostrannoju i Kratkiju redakcijakh «Zadonshhiny»)* [Where was the glory about the Battle of Kulikovo?: (To the question about the «list of cities» in Vast and Brief editions of “Zadonshchina”)]. *Knizhnye centry Drevnej Rusi: Knizhniki i rukopisi Kirillo-Belozerskogo monastyrja* [Book centers of Ancient Russia: Scribes and manuscripts of the Kirillo-Belozersky Monastery]. Saint-Petersburg: «Pushkinskij Dom» Publ., 2014. pp. 173–191. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Бурыкин Алексей Алексеевич, ведущий научный сотрудник Словарного отдела Института лингвистических исследований Российской Академии наук (199053, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Тучков переулок 9), доктор филологических наук, доктор исторических наук.

albury@mail.ru

ORCID 0000-0002-9119-2698

ABOUT THE AUTHOR:

Burykin Alexey Alekseevich, Leading Researcher, Department of Dictionaries of Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (199053, Russian Federation, Saint-Petersburg, Tuchkov lane, 9), Doctor of Philological Sciences, Doctor of Historical Sciences.

albury@mail.ru

ORCID 0000-0002-9119-2698